

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

З. П. Соколова

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЗАГАДКИ

К сожалению, деревянные надгробия быстро исчезают, так как дерево быстро выветривается. Возможно, что мы никогда не сможем выяснить их происхождение и значение, поскольку не обладаем более никакими историческими материалами.

Текла Деметер¹

Уже почти столетие умы ученых — этнографов и археологов Венгрии — занимают деревянные намогильные сооружения, характерные для некоторых венгерских кладбищ. Они всегда казались необычными и даже загадочными.

Надгробия в виде половинок лодок я впервые увидела на венгерском кладбище в Будапеште в 1972 г. В один из осенних дней вместе с сотрудницей Института этнографии Венгерской Академии наук Юдит Морвей, вдовой известного этнографа-сибироведа Вильмоша Диосеги, мы поехали на кладбище, где похоронен ее муж. Когда мы уже уходили с кладбища, Юдит специально провела меня в один из его уголков и показала диковинные намогильные сооружения в виде половинок лодок. Огромные, выше роста человека, окрашенные в черный цвет, вкопанные в землю чуть наклонно, они производили большое впечатление. Юдит сказала тогда, что чаще всего такие памятники ставят на могилах некоторые венгры, живущие в восточной части страны.

С тех пор прошло немало лет. Проблема близких аналогий в культуре хантов и манси, с одной стороны, и венгров — с другой, интересовала меня, и я постепенно подбирала материалы. Для доклада на VI Международном конгрессе финно-угроведов в Сыктывкаре (1985 г.) я выбрала тему «Этнокультурные связи обских угров и венгров». Один из разделов доклада был посвящен венгерским намогильным сооружениям.

Интерес к этим надгробиям возник среди венгерских этнографов еще в прошлом столетии, и существует посвященная им довольно обширная литература². Намогильные памятники подобного рода различны по форме.

Католики в Венгрии ставят на могилах кресты, а некоторые последователи кальвинистской реформатской церкви — намогильные сооружения в виде либо половинок лодок, либо столбов различной формы — так называемые «фейфа».

Памятники в виде половинок лодок больше всего распространены в равнинной части Восточной Венгрии, в верховьях Тиссы и восточнее ее, особенно в местностях Сатмарчеке, Самошег, Барабаш, Тиссасент-мартон. Они вырезаны из ствола дуба, обструганы и отполированы;

¹ Dömötör T. Ungarische Volksbräuche. Budapest, 1972, S. 75.

² См. библиографию: Hoppál M. Népművészet és Etnoszemiotika. — Népi Kultúra — Népi Tarsadalom, XI—XII. Budapest, 1980.

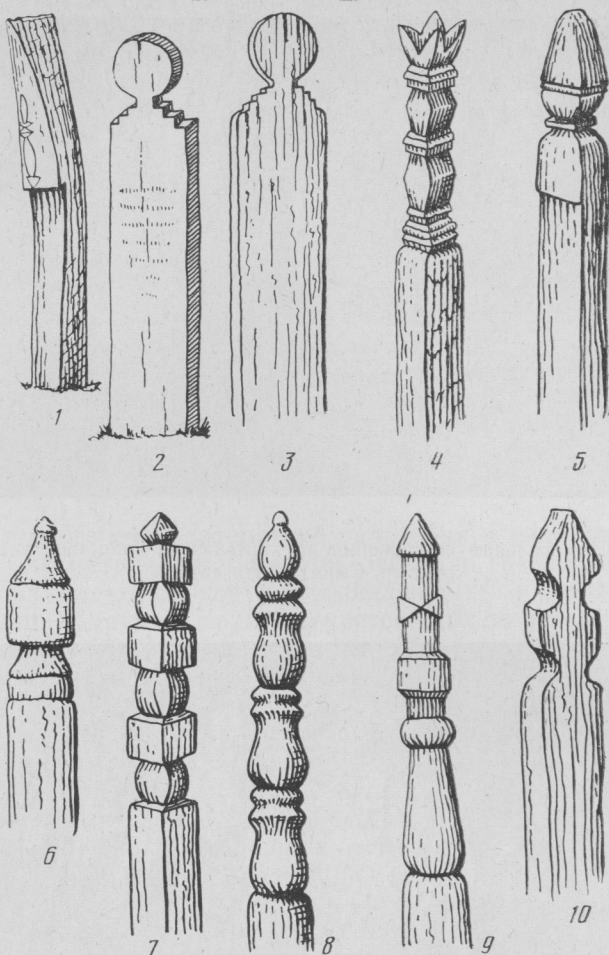

Рис. 1. Венгерские надгробные сооружения (1—2, 4—10) и столб у ворот (3): 1—2 — Норра́л, 1980; 3 — настольный календарь Сэн-тэндре 1982 г.; 4—10 — Novák, 1978

высота их наземной части не менее 180 см, в землю они вкопаны на 65—70 см. Если подземная часть со временем сгнивала, сооружение вкапывали глубже. Верхняя часть памятника — шестигранная, резная с изгибом, заостренная — весьма напоминает нос лодки. Раньше такие надгробия обжигали, смолили, позднее стали красить черной краской. Обычно сооружение вкопано в землю чуть наклонно. На торцевой части надгробия с 1920-х годов стали делать насечки, придающие ему антропоморфный вид. Там же расположены различные надписи: сведения об умершем (имя, фамилия, даты рождения и смерти), эпитафии и другие тексты (см. рис. 1, 1).

Более 50 лет назад этнограф Шандор Солимоши впервые высказал мнение о том, что обыкновение ставить такие памятники является дальнейшим развитием старого угорского обычая хоронить умерших в челоноках³. Его последователи отождествляют подобные памятники с лодками, а их фасады — с человеческими лицами⁴. Некоторые ученые высказываются более осторожно, относя такие надгробия вообще к дохристианскому времени. Наконец, третья группа ученых считает, что их происхождение и время возникновения спорны⁵. В последние годы точ-

³ Solymossy S. Ősi feifaformák népünkénél. — Ethnografia, 1930, 41.

⁴ Верхний Тисайский край. I. Географические единства этнографического музея под открытым небом. — Сэнтендрэ, 1980 (каталог), с. 77.

⁵ Fel E., Hoffer T., K.-Csilléry K. Ungarische Bauernkunst. Budapest, 1969, S. 22, 42, Abb. 11; Balassa I., Ortutay G. Ungarische Volkskunst. Budapest — München, 1982, S. 145, Abb. 51, 53.

Рис. 2. Намогильные сооружения на хантыйском кладбище у пос. Овгорт (р. Сыня). Фото автора

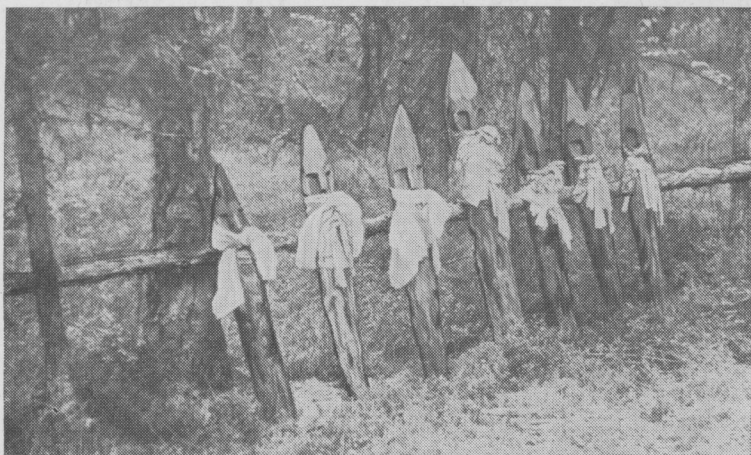

Рис. 3. «Семь братьев» — изображения семи мансийских духов на р. Хулга (приток Ляпина). Фото В. А. Корниенко

ка зрения Ш. Солимоши поддерживается некоторыми венгерскими археологами, особенно после недавней находки Андрашем Палоци в местности Сабадкийош древнего венгерского захоронения с могилой в форме лодки. Но оказывается, не только тысячу лет назад, а еще 200 лет назад в Саррет — болотистой местности Восточной Венгрии венгры хоронили своих умерших в лодках⁶.

Ближайшие аналогии этому обычаю мы находим у обских угров и селькупов. Во время похорон селькупы и восточные ханты разрезали лодку пополам, в одну половину клали тело умершего, другой накрывали его, как крышкой. Северные ханты и манси поступали иначе: они отпиливали у долбленной лодки нос, а иногда и корму (в зависимости от роста умершего), в оставшуюся часть помещали тело и накрывали его берестяным полотнищем, пришивая последнее к бортам лодки кедровым корнем. У хантов, манси, части селькупов деревянное намогильное сооружение было похоже на домик, иногда повторяя конструк-

⁶ Fodor I. Die Grosse Wanderung der Ungarn vom Ural nach Pannonien.— Budapest, 1982, S. 324, Abb. LIX

цию жилого дома (рис. 2) ⁷. Подобные намогильные домики можно было сооружать лишь в тайге, где под рукой всегда много дерева. Нам неизвестно, какие намогильные сооружения строили предки венгров, когда жили на территории своей прародины. (Некоторые ученые считают, что она находилась в южной, лесостепной части Западной Сибири ⁸.) Путь предков венгров на их новую родину (на Дунай) также проходил в основном по степной и лесостепной зоне, где леса мало или нет совсем. Поэтому вряд ли они могли ставить намогильные сооружения в виде домиков. Но и это не бесспорно. Известно, что в местности Тиссахат еще недавно холм на могиле имел форму крыши дома. На него ставили резной столб с навершием в форме копья; подобное же навершие укрепляли и на фронтонной стене жилого дома ⁹.

Как я уже говорила, у современных венгров есть и другие типы намогильных памятников, так называемые «фейфа» (*fej* — голова, *fa* — дерево) — резные столбы различной формы (ланцетовидной, кеглеобразной, колодообразной, колоннообразной и др.), которые широко распространены в Средней Венгрии, в Дунайской области, в междуречье Тиссы и Дуная.

Обычно в венгерской литературе надгробия в виде половинок лодок и «фейфа» рассматриваются вместе; очевидно, исследователи не считают, что они имеют разное происхождение и значение. Но если их изучать отдельно друг от друга, думается, можно скорее приблизиться к их разгадке.

Пожалуй, можно сказать, что пока еще нет удовлетворительной классификации венгерских надгробий «фейфа», хотя их изучают уже давно. Основой классификации обычно становился какой-либо один признак, чаще всего связанный с конструкцией сооружения. Например, в Венгерском этнографическом лексиконе (Энциклопедии) выделяется три типа «фейфа»: 1) пнеобразные (колодообразные), 2) колоннообразные, или столбы, 3) уплощенные (из досок). В классификации Е. Кунта выделены надгробия, которые ставили в ногах (один тип) и в головах умершего (четыре типа): 1) колодообразные, 2) столбы, 3) копьевидные, 4) уплощенные, из досок ¹⁰. При этом в одну и ту же группу попали разные типы, и наоборот, одинаковые варианты можно обнаружить в выделенных авторами этих классификаций различных группах. По-видимому, правильнее основывать классификацию не на одном, а на нескольких критериях, в том числе на характере происхождения того или иного вида резных надгробий. Но это самостоятельная тема.

Венгерские «фейфа» делают из досок и из стволов деревьев; они округлые, четырехугольные, уплощенные в сечении. В разных местностях их называют по-разному. Названия в основном отражают форму наверший: *gombfa* («шар-дерево»), *korjafa* («копье-дерево») и т. д. Надгробия украшают резными орнаментами и розетками; среди орнаментальных мотивов часто встречаются растительные (тюльпан, лилия, плакучая ива как древо жизни, мировое дерево), астральные (солнце, луна, звезды) и др. Сейчас «фейфа» чаще всего окрашивают в черный цвет. В прошлом они нередко различались по цвету окраски. Венгерские этнографы установили зависимость цвета «фейфа» и мотивов орнаментов от пола и возраста умершего (у мужчин — с навершием в виде шляпы, у женщин — с навершием в виде тюльпана или с пучком волос; черного цвета — на могиле старика, синего цвета — на могиле

⁷ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972, с. 66—67; Соколова З. П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов. — Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР, 1974. М.: Наука, 1975, с. 166; Семейная обрядность народов Сибири. М.: Наука, 1980, с. 131, 136, 154, 155.

⁸ Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов. — В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978; Fodor J. Op. cit.

⁹ Kunt E. Volkskunst ungarischer Dorffriedhöfe. Budapest, 1983, S. 65.

¹⁰ Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2. Budapest, 1979, с. 99—100, 107; Kunt E. Op. cit., S. 58—63.

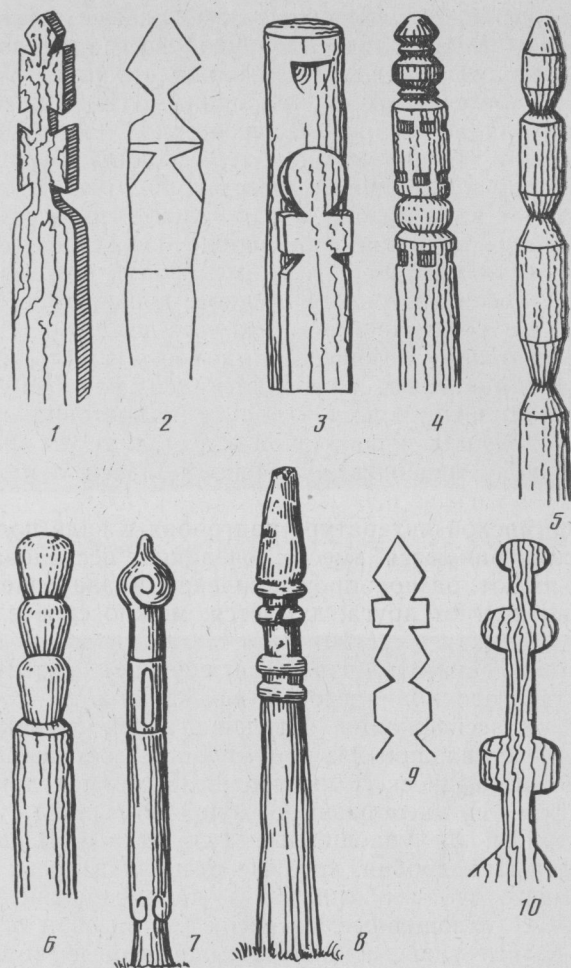

Рис. 4. Намогильные столбы (1, 3, 10) и коновязи (4—9) народов Сибири и Средней Азии: 1—2—селькупы (А. В. Бауло), 3—чуваш (П. В. Денисов), 4—якуты, 5—алтайцы, 6—хакасы, 7—тувинцы, 8—киргизы (4—8—С. В. Иванов), 9—манси (С. И. Руденко), 10—ханты (В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина)

молодого). В Трансильвании на могилах умерших насильственной смертью устанавливали надгробия красного цвета. Чем старше был умерший, тем крупнее и шире изготавливали «фейфа». Они были не очень долговечны, срок их «жизни» — 60—90 лет, затем они разрушались.

Согласно литературным данным, обыкновение ставить намогильные резные столбы «фейфа» связывается с появлением протестантизма в XVI—XVII вв. До этого венгры-христиане ставили на могилах кресты; протестанты отказались от крестов и начали вкапывать в головы или ноги умершего резные столбы. Наибольшее развитие этот обычай получил в середине XIX в.¹¹

Как объясняют венгерские ученые значение и происхождение подобных надгробий? Чаще всего их считают изображениями, соответствующими кресту. Есть мнение, что это антропоморфные знаки; их происхождение связывают с почитаемыми финно-угорскими народами в прошлом деревянными изображениями духов — идолов либо с каменными бабами. Действительно, отдельные «фейфа» внешне напоминают остроголовых и круглоголовых, а также многоголовых идолов обских угров, ненцев, селькупов (ср.: рис. 3, рис. 1, 2, 5, 7, 8). Очень часто «фейфа»

¹¹ Novák L. A Duna-Tisza Közé Temetőinek Néprajza.—Cumania, V, Ethnografia, Kecskemet, 1978, p. 304.

расцениваются как символ человеческого тела, олицетворяющий дальнейшее (после смерти) бытие души¹². В связи с этим по поводу происхождения намогильных столбов также существуют разные теории. Одни ученые высказывают мнение о том, что данный обычай достаточно архаичен и относят время его возникновения к дохристианскому периоду. Другие не соглашаются с этим. Например, Л. Новак считает, что, поскольку такие памятники ставят протестанты, этот обычай не является наследием язычества. Наконец, еще одна группа ученых констатирует неясность или спорность происхождения памятников «фейфа». Таким образом, единства мнений и ясности в этом вопросе пока нет.

А между тем в Сибири есть народы, которые также вкапывают резные столбы на могилах. Например, у тазовских селькупов (пос. Ратта) на могильном холме в ногах умершего ставят дощатый резной столб *порге* (рис. 4, 1). Причем это характерно лишь для захоронений, где нет намогильных сооружений в виде домиков. Правда, в одном случае на намогильном домике обнаружен рисунок — «антропоморфное изображение», очень похожее на резной столб (рис. 4, 2). Г. И. Пелих, ссылаясь на Е. Д. Прокофьеву, сообщает, что в прошлом резные столбы *по парге* («священное шаманское дерево») помещали около селькупских жилищ¹³. Столбы с прорезанными на них антропоморфными изображениями, очень похожими на венгерские «фейфа», устанавливали на могилах чувашей (ср.: рис. 1, 2 и рис. 4, 3)¹⁴.

Когда якуты хоронили умершего (чаще всего вождя или знатного человека) вместе с его конем, около могилы, отдельно или как часть ограды вкапывали резной столб — коновязь *сэрге*. С. В. Иванов, описывая коновязи сибирских народов, приводит свидетельство Геродота о скифах: «Трупы лошадей с убитыми слугами на них привязывали за конец поводка к специально врытым столбам — коновязям». Он же упоминает о том, что на Кубани в захоронении VI—V вв. до н. э. вокруг могилы, имитирующей жилище, рядом со скелетами лошадей также были вкопаны коновязи¹⁵.

Таким образом, обыкновение ставить резные столбы на могилах можно связать с обычаем народов, занимающихся коневодством, привязывать своих лошадей к коновязям — столбам, которые вкапывали около жилищ. Этот обычай соблюдали как при жизни, так и после смерти человека.

Коновязи были распространены у многих народов, кроме якутов — у бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов, киргизов, хантов, манси. Тувинцы ставили коновязь около дома и на могиле, в головах умершего. По данным Г. Н. Потанина, приведенным в уже цитированной работе С. В. Иванова, наверху коновязь раскрашивали. Пожалуй, лучше всего изучены якутские коновязи. Они разнообразны по форме: круглые или четырехгранные в сечении, нередко украшенные скульптурными навершиями (шар, ромб, голова коня, птица, сосуд чоорон и др.). Некоторые навершия якутских коновязей напоминают навершие-тюльпан венгерских намогильных столбов¹⁶. Но у всех четко выделяются три части: верхняя — цилиндрическая или фигурная; средняя — выемчатая, для привязывания коня; нижняя — вытянутая, которая вкапывалась в землю. Якутским близки по форме бурятские, тувинские, алтайские, хакаские и киргизские коновязи (рис. 4, 4—8). Но характерно, что на рез-

¹² Хонпал М. Венгерские намогильные памятники (Этносемиотический анализ).— Acta Ethnographica, 1977, t. 26 (3—4), p. 315—319; Hoppál M. Op. cit., p. 191—214; Imrex P., Hoppál M. Fejfék és temetők Erdélyben.— Folklor achívum 1977, 7, p. 22—23; Novák L. Op. cit., p. 304; Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2, p. 6, 8, 12, 99, 102—107.

¹³ Пелих Г. И. Указ. раб., с. 63, 160, табл. XXX, 8; Бауло А. В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов.— В кн.: Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980, с. 189—190, рис. 4, 6.

¹⁴ Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, рис. 22.

¹⁵ Иванов С. В. Якутская коновязь.— В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976, с. 213.

¹⁶ Там же, с. 218, рис. 4, 3, 4; с. 221, рис. 8, 1, 4, 5.

ных столбах старинных якутских намогильных оградок выемка средней части отсутствует¹⁷. Это явное свидетельство трансформации предмета в связи с утратой им первоначального функционального назначения.

У хакасов существовал обычай вбивать в могильный холм колышек у изголовья умершего. В связи с этим интересно название созвездия Малой Медведицы у качинцев — одной из хакасских групп: «Созвездие белой и сивой лошадей, привязанных к медному намогильному столбу, находящемуся на земной оси». Намогильный столб ассоциировался качинцами с центром вселенной¹⁸.

На могилах у восточных хантов тоже встречаются сооружения, у которых есть элементы как крестов, так и резных столбов (рис. 4, 10)¹⁹. Ханты и манси в прошлом ставили около своих домов коновязи. Называли их по-разному. По фольклорным данным, опубликованным Х. Паасоненом и В. Штейницем, хантыйская коновязь на р. Конда — *sâr anġat* — четырехугольный в сечении столб, который стоял на улице перед домом мифического героя хантыйских героических сказаний. Возвращаясь с войны, он ударял об этот столб скальпом убитого врага и восторженно кричал, оповещая о своей победе. После смерти героя столб сжигали.

Другие названия коновязи у хантов — *tâw anġat* (Конда), *təw-jirt(ə)-anġat t* (Шеркалы) — столб на дворе, к которому привязывали лошадь. В ваховском диалекте *loŋ anġal* — столб для привязывания лошадей²⁰. В хантыйском языке *anġat, anġat, anġat* — столб, пень, кол; *tâw, tow, loŋ* — лошадь, *jirt(ə)*, возможно, от *jir, jŭr* — жертва: *sâr, sâr, sar* — передний. В мансийском языке сир, *səp* — шест, кол, жердь; *sir, sir, šir* — палка, брус²¹. Таким образом, в обско-угорских языках термин «коновязь» означает «передний столб», «лошадиный столб», возможно, «столб лошадиной жертвы».

С. Патканов описывает такие же столбы для привязывания оленей (*анкет, вош-анкет*) по фольклорным данным иртышских хантов. Он указывает, что иногда эти столбы украшали зарубками, изображениями человеческого лица, животных, и подчеркивает символическое ритуальное значение столбов: к ним привязывали жертвенных животных на общественных жертвоприношениях²². Подобные коновязи были у манси еще в начале XX в.: в фотоколлекции С. И. Руденко (1909—1910 гг.) есть фотография с изображением резной коновязи в деревне Неромовы юрты (Нярэ-хумит-пауль) на р. Обь²³ (см. рис. 4, 9 и рис. 5).

Любопытны представления некоторых народов Сибири в связи с коновязью. Якуты, например, считали, что в коновязи живет дух очага, местности, а под старой коновязью живут духи среднего мира — *абасы*. Поэтому у них коновязь играла особую роль во время весеннего праздника *ысыах*, а также в обряде, во время которого женщины просили у духа-матери земли плодovitости. Они ставили коновязи на перевалах, перекрестках дорог. В некоторых бурятских обрядах коновязь символи-

¹⁷ Там же, см. рисунки; Лельчук Л. Г. Якутские и бурятские коновязи. — В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера.

¹⁸ Усманова М. С. Дохристианские верования хакасов в конце XIX — начале XX века: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1982, с. 5; Львова Э. Л., Усманова М. С. Представление о мировом дереве в традиционной обрядности народов Саяно-Алтая. — Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов обл. конференции. Омск, 1979, с. 178—181.

¹⁹ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977, с. 163, табл. XV.

²⁰ Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bd. 2, V., 1967, S. 138; Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981, с. 25.

²¹ Steinitz W. Op. cit., Bd. 2, S. 138, Bd. 6, S. 730; Терешкин Н. И. Указ. раб., с. 76, 416; Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958, с. 103; Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М. — Л., 1937, с. 358.

²² Патканов С. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям. — Живая старина. СПб., 1891, III—IV, с. 116.

²³ ГМЭ, колл. № 1705-72.

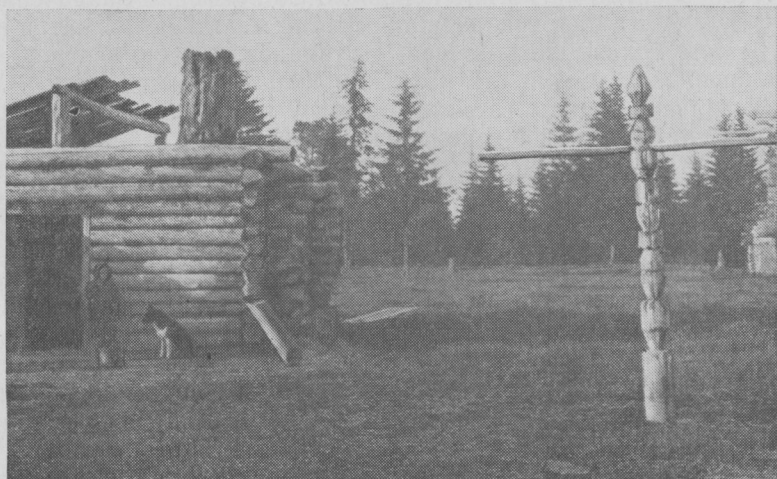

Рис. 5. Коновязь в сел Неремовы юрты. Фото С. И. Руденко

зировала домашний очаг, и невеста в этом случае получала благословение около коновязи, а не у очага. Таким образом, коновязь в прошлом имела не только практическое, но и ритуальное значение.

Интерес представляют этимология названий и конструкция коновязи у разных народов в связи с представлениями о пне. С. В. Иванов реконструировал название старинного якутского священного дерева — *аар дуун мас* («чистый или священный дуб»), многочисленные сучья которого оформлены в виде коновязей²⁴. Корневое слово в названии хантыйской коновязи (*äñkal, äñkät*) — пень. У киргизов коновязью иногда служил ствол дерева со срубленной верхушкой, т. е. высокий пень.

Интересно было бы провести квалифицированный лингвистический анализ названий коновязи и намогильных столбов в разных языках народов Сибири и Средней Азии. Но даже дилетанту заметно сходство некоторых из них: *сэрге* (якут.), *зэрге, сэрге* (бурят.), *шорге* (тувин.), *сарган* (хакас.), *ярге* (монг.), *арга* (тюрк.), *sâr-añkät* (хант.) — коновязь; *порге* (сельк.) — намогильный столб, *по парге* (сельк.) — шаманский столб²⁵. В одном из венгерских названий резного намогильного столба *sirjele* также встречается это слово (*sir* — могила, *jele* — знак)²⁶.

Теперь подведем некоторые итоги. Возможно, не только якуты и киргизы, но и ханты, манси (может быть, и венгры) в прошлом делали коновязи из специально обрубленных, очищенных от коры и высохших деревьев — высоких пней; точно так же обские угры и сейчас делают столбы-сваи для амбаров. У венгров и якутов для намогильных столбов и коновязей нередко использовался дуб. Коновязь можно ассоциировать также с большим ветвистым деревом, с представлениями о древе жизни, мировом дереве, шаманском дереве: вспомним о селькупском шаманском дереве, изображениях мирового дерева на венгерских «фейфа», представлениях качинцев о коновязи как центре вселенной. Из сибирских материалов следует, что коновязь тесно связана с шаманизмом, семейными и общественными обрядами, жертвоприношениями, военными действиями, с почитанием духа, живущего в коновязи. Именно поэтому, вероятно, на них иногда изображалось человеческое лицо. Между прочим, у бурят есть термин *хун сэрге* — «человек-коновязь».

Можно предположить, что в прошлом коновязи делали многие коневодческие народы юга Евразии — европейских степей, юга Западной Сибири, севера Казахстана, Алтая, Тувы, Бурятии, Якутии, в том числе и предки угров — венгров, хантов, манси. Хороня умершего, предки угорских, тюркских и других народов убивали его коня и привязывали

²⁴ Иванов С. В. Указ. раб., см. рис. 9, с. 221—222.

²⁵ Там же, с. 214, 223.

²⁶ Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2, p. 97.

его к установленной на могиле коновязи. Со временем назначение коновязей у отдельных народов, очевидно, стало меняться. У хантов и манси к ним начали привязывать оленей; у тувинцев, якутов, венгров, селькупов, чувашей они выполняли роль намогильных памятников или столбов намогильной ограды (в то же время у якутов и тувинцев коновязь сохраняла при этом и свое исконное назначение).

У венгров стало меняться, видимо, и оформление намогильных резных столбов: появились более разнообразные по форме и богаче украшенные «фейфа». Со временем мастера-художники, изготавливавшие их, разработали особый язык (цвет, орнамент, размер), который передавал информацию о возрасте, половой принадлежности, семейном положении и другие сведения об умершем. Возможно, на характер оформления венгерских «фейфа» повлиял богатый декор крестов католических погребений²⁷. На некоторых венгерских намогильных столбах выемка, служащая у коновязи местом для привязывания лошади, постепенно исчезла. Тем не менее на многих «фейфа» выделяются все три части коновязи, в том числе и средняя — шейка²⁸.

Но утверждать, что все намогильные столбы «фейфа» происходят от коновязи, преждевременно. Слишком многообразны их формы, и неясно, результат ли это их различного происхождения или следствие развития разных стилей украшения памятников. Например, Е. Кунт, приводя данные о надгробиях, которые ставили в ногах умершего (при высоте 1,5—2 м они были весьма тонкими — всего 5 см), сообщает, что в некоторых районах Венгрии такими намогильными столбами служили жерди или копы, на которых несли гроб с телом умершего.

С коновязями определенно можно связывать округлые и четырехугольные столбы и дощатые «фейфа» с округлыми навершиями, особенно так называемые антропоморфные (см. рис. 1, 2—9). Памятники в форме колод и колонн, возможно, иного происхождения. Решение этого вопроса — дело будущего.

А не сохранились ли более явственные следы коновязи у венгров? Эта мысль меня постоянно преследует. Просматриваю венгерские издания по этнографии²⁹. Они, как всегда, богато иллюстрированы. И вот обнаруживаю снимок ворот и части изгороди усадьбы в Сомбатхее, на нем виден резной столб, очень напоминающий некоторые типы венгерских надгробий! А вот и другой снимок ворот — в Калоте. На обеих фотографиях по одному такому столбу слева. А ведь логично и эстетично было бы поставить такие столбы симметрично по обе стороны ворот...

Венгерский коллега Клара Чиллери, большой знаток венгерской материальной культуры, подарила мне настольный календарь за 1982 г. Он иллюстрирован цветными фотографиями традиционных венгерских построек, которые выставлены в музее под открытым небом в Сэнтэндре, недалеко от Будапешта. Кстати, К. Чиллери в недавнем прошлом один из организаторов и сотрудников этого музея. Календарь я просматривала уже не раз. Храню его как сувенир в память о поездке в Сэнтэндре. В очередной раз листаю его, и тут мое внимание привлекает одна из фотографий: на ней изображены ворота с тремя такими же столбами. Один из них почти идентичен намогильному памятнику, опубликованному в статье М. Хоппала «Народное искусство и этносемиотика»³⁰ (см. рис. 1, 2, 3).

Не только я, оказывается, заметила это сходство. Одинаковые «мотивы» отмечает «на надгробных деревянных памятниках, воротах, потолочных балках и сундуках» М. Хоппал в другой своей статье³¹. Читаю в книге Е. Кунта «Народное искусство венгерских деревенских

²⁷ Fel E., Hoffer T., K-Csilléry K. Op. cit., Abb. 101.

²⁸ Magyar Néprajzi Lexikon, t. 2, c. 8.

²⁹ Balassa I., Ortutay G. Op. cit., S. 151, Abb. 58; Gáborján A. Hungarian Peasant Costumes. Budapest, 1969, Abb. 27.

³⁰ Hoppál M. Népművészet és Etnoszemiotika, c. 201, рис. 9 (4-й слева).

³¹ Хоппал М. Венгерские намогильные памятники..., с. 335.

кладбищ»: «Деревянные надгильные столбы часто похожи на столбы ворот и изгороди в Северо-Восточной Венгрии. Наблюдается родство между надгильными столбами и обычными для всей Венгрии деревянными резными столбами аркады (крытой аллеи) деревенских домов. В Семиградье в бассейне Тиссы и междуречье Тиссы и Дуная известны так называемые «ворота идолов» (Götzentöre). Можно отметить их тесную связь с антропоморфными надгробиями. С ними сближаются и соответствующие формы деревянных кольев (Holzschetes), которые оформляют кладбища изнутри и снаружи, идентичных надгробиям и по материалу, и по обработке». Е. Кунт отмечает их защитную функцию по отношению и к живым, и к умершим³².

Пока статья находилась в портфеле журнала «Советская этнография», состоялся VI Международный конгресс финно-угроведов в Сыктывкаре. В своем докладе я изложила соображения о происхождении венгерских надгильных сооружений. С близкой темой доклада выступил и проф. И. Балашша из Будапешта, уже 40 лет занимающийся венгерскими надгробиями³³. Его позиция прежняя: происхождение «фейфа» неясно и спорно.

На конгрессе мой доклад слушала и Клара Чиллери. И вот уже после конгресса я снова получила от нее интересные материалы, касающиеся надгильных сооружений и их аналогий. Это слайды с изображениями «фейфа» и столбов от ворот в местности Дунапатай. Столбы ворот почти идентичны по форме надгильным столбам (рис. 1, 3), по-венгерски они называются karubólvány («идол ворот»). Этот термин, по сообщению К. Чиллери, известен в венгерских письменных источниках начиная с XIV в. Снова обнаруживается антропоморфный и сакральный характер подобных сооружений... Так, может быть, все-таки эта деталь современных ворот — воспоминание о старинной венгерской коновязи?

По всей видимости, обычай ставить на могилу резной столб архаичный: он был присущ в прошлом многим народам, занимавшимся коневодством. Самые древние материалы относятся к скифам, но сам обычай мог возникнуть и ранее. Вместе с тем, мне кажется, что памятники в виде половинок лодок — иной, отличный от «фейфа» тип надгильных сооружений. Возможно, это еще одно подтверждение двухкомпонентного состава предков угров, как обских, так и дунайских — часть их была охотниками и рыбаками, часть — скотоводами. Скотоводы хоронили своих умерших вместе с убитым конем, которого привязывали к коновязи, установленной на могиле; позднее эта коновязь стала играть роль надгильного памятника. Рыболовы хоронили умерших в лодках, обрубая их по росту умершего. Когда ханты и манси хоронили умершего в лодке, ее нос и корму они оставляли на могиле. Обычай вкапывать в могилу обрубленный конец лодки у предков венгров мог возникнуть под влиянием обычая коневодов ставить на могилу резной столб — коновязь. Видимо, уже на Дунае коновязь и обрубок лодки постепенно превратились в надгильные памятники.

Вероятно, памятники в виде половинок лодок могут быть истолкованы как следствие общности культуры далеких предков обских и дунайских угров, зародившейся, возможно, еще в неолитическую эпоху (вспомним, что такие же надгробия были и у селкупов, далекими предками которых, так же как у хантов, манси и венгров, были племена уральской неолитической культуры). Надгробия в виде резных столбов «фейфа», по всей вероятности, результат древних этнокультурных контактов предков венгров и племен юга Евразии. При этом нельзя не заметить, что у предков угров и древнего населения юга Сибири и севера Казахстана имеется немало аналогий в материальной культуре.

³² Kunt E. Op. cit., S. 64—65.

³³ Balassa I. A magyar gyász-szinekek kérdéséhez. — Ethnographia, 1945, 56; *его же*. О венгерских кладбищах. — Folia ethnographica, 1949, 1; *его же*. A magyar temetők néprajzi kutatása. — Ethnographia, 1973, 84.